

## ЛОКАЛИЗАЦИЯ АРЕАЛА ТОПОНИМА «КУЛИКОВО ПОЛЕ» ПО РУССКИМ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫМ ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ

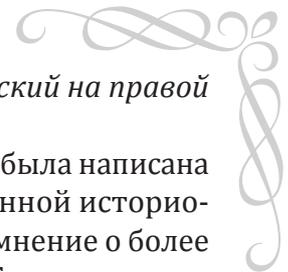
В настоящее время Куликово поле как некоторая интеллектуально и ретроспективно обособленная пространственно-топографическая единица, имеющая имманентно специфическое историко-культурное наследие, в отечественной исторической и культурологической науке и сформированном под её идеологическим влиянием массовом общественном сознании, неразрывно ассоциируется исключительно с фактом и местом Куликовской битвы 1380 года. При этом некоторые учёные, политики и общественные деятели полностью игнорируют (не опровергают, а именно умышленно замалчивают) многочисленные русские средневековые письменные свидетельства самостоятельного существования значительной по площади территориальной общности в междуречье верховьев Оки и Дона, определяемой топонимом «Куликово поле», в контексте событий российской истории в последующие столетия. В частности, автор-составитель энциклопедического словаря-справочника «Тульские древности» В. В. Богуславский априорно утверждает, что «*Куликово поле — место Куликовской битвы...*»<sup>2</sup> и не более того. Этот тезис представляет собой концентрированное выражение целого направления в исторической науке, имевшего целью намеренно сузить пространственную локализацию Куликова поля до размеров урочища на правом берегу Дона при впадении в него реки Непрядвы, фактически — до участка местности, прилегающего к мемориалу в память битвы 1380 года на Красном холме вблизи деревни Ивановка совр. Куркинского района Тульской области.

<sup>2</sup> В. В. Богуславский. Тульские древности: Энциклопедический словарь-справочник. — Тула: Русский лексикон, 1995. — С. 115.

Основоположником подобного взгляда на пространственную локализацию Куликова поля явился в 1840-х отечественный известный историк, археолог и масон первой степени, директор училищ Тульской губернии, а впоследствии обер-прокурор Святейшего правительствующего синода и сенатор С. Д. Нечаев, который стремился доказать, что Куликовская битва произошла непременно на землях принадлежавшего ему поместья или вблизи от них (владел селцом Куликовка Епифанского уезда Тульской губернии на правом берегу Дона при впадении в него реки Смолки). Собственно, именно это утверждение, не имевшее, по сути, каких-либо реальных научных доказательств, кроме авторитета автора в общественных кругах (наряду с дарением в государственную казну 15 десятин земли для строительства памятника, где он сейчас и находится), стало основной движущей силой его быстрой административной карьеры из второразрядных губернских чиновников в высшие эшелоны государственной власти Российской империи.

Главными аргументами С. Д. Нечаева стали предметы подъёмного археологического материала, собранные его крепостными крестьянами во время сельскохозяйственных работ в окрестностях его имения<sup>3</sup>. Однако их научное описание, в том числе датировка и топографическая привязка находок, произведены не были. Следовательно, они не могут рассматриваться современной наукой как однозначные свидетельства в пользу его варианта локализации места

<sup>3</sup> С. Н. [С. Д. Нечаев.] Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. — 1821. — № 21. — С. — 348–350; Он же. О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях // Вестник Европы. — 1823. — № 8. — С. 307–311.



Куликовской битвы, а тем более Куликова поля в целом. Кроме того, достоверность отношения этих предметов к событиям 1380 года ставится под сомнение фактом достаточно крупного для своего времени боевого столкновения в 1542 в междуречье Дона, Непрядвы и Красивой Мечи сторожевых русских отрядов и флангового кордона крымских татар, выставленного ими для прикрытия своего набега на г. Зарайск, в результате которого, как сказано в Лебедевской летописи «...на Куликове поле... многих Татарских сторожей Великого князя сторожи побили, а иных переимали, а иные поутекли... И Крымские татары пошли борзо, и воеводы Великою князя дошед до Мечи...»<sup>4</sup> (т.е. Красивой Мечи. — О. К.). В аналогичных выражениях это событие описывает и Летописец начала царствования царя и великого князя Ивана Васильевича<sup>5</sup>.

Однако более чем полтора столетия назад этих частных и фрагментарных археологических предметов, а также административно-бюрократического авторитета С. Д. Нечаева в среде московского и петербургского дворянства (с 1816 являлся членом Общества истории и древностей Российских и Общества любителей русской словесности при Императорском Московском университете) оказалось вполне достаточно для того, чтобы в сознании просвещённой части русского общества позапрошлого века урочище на правом берегу при впадении Непрядвы в Дон стало стойко отождествляться с Куликовым полем. В 1821 он писал в «Вестнике Европы»: «Куликово поле... по преданиям историческим, заключалось между реками Непрядвою, Доном и Мечю. Северная его часть, прилегающая к слиянию двух первых, и поныне сохраняет между жителями своё древнее наименование. Об нем ещё напоминают некоторые в сём краю селения и урочища, например, село Куликовка на Дону, сельцо Куликово в самой

середине поля, овраг Куликовский на правой стороне Непрядвы...»<sup>6</sup>

Приведённая ранее цитата была написана в то время, когда в отечественной историографии начало оформляться мнение о более масштабном пространстве Куликова поля, которого С. Д. Нечаев, как всякий образованный человек своего времени, не мог не знать. Ещё автор изданного в 1804 «Словаря географического Российского государства» А. М. Щекатов указывал в своём труде: «Куликово поле — урочище Тульской губернии, в Епифанском уезде, простирающееся от вершин рек Упы и Зуши к востоку даже до Дона и вмещающее в себя, кроме этих рек, вершины и все течение реки Непрядвы со впадающими в неё речками»<sup>7</sup>. Предложенная А. М. Щекатовым трактовка пространственного содержания топонима «Куликово поле» предусматривала весьма значительную территорию, имеющую линейные размеры до 90 км с запада на восток и до 30 км с севера на юг. Ещё более широкую локализацию земель Куликова поля дал В. Н. Татищев в своей работе «Звания городов, урочищ, рек, озёр, чинов, фамилий, денег и обстоятельств, в России употребляемых», в которой он писал о «Куликовом поле в Донкове»<sup>8</sup> (ныне г. Данков, районный центр Липецкой области). Нам достоверно неизвестно, какими источниками пользовались эти авторы, но их варианты определения границ этой уникальной историко-культурной территории наиболее адекватно соответствуют русскому средневековому взгляду на эти земли, особенно в сравнении с вариантом локализации, конъюнктурно предложенным С. Д. Нечаевым и используемым официальной историографией со времен правления императора Александра I и до наших дней.

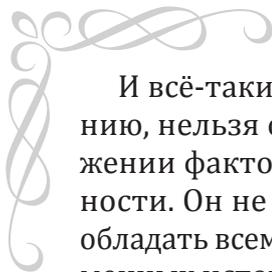
<sup>6</sup> С. Н. [С. Д. Нечаев.] Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. — 1821. — № 14. — С. 125.

<sup>7</sup> А. М. Щекатов. Словарь географический Российского государства. — СПб, 1804. — С. 961–962.

<sup>8</sup> В. Н. Татищев. Звания городов, урочищ, рек, озёр, чинов, фамилий, денег и обстоятельств, в России употребляемых // В. Н. Татищев. Избранные произведения. — Л.: Наука, 1979. — С. 341.

<sup>4</sup> Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XXIX: Летописец начала царствования царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. / Под ред. М. Н. Тихомирова. — М.: Изд-во АН СССР, 1965. — С. 143.

<sup>5</sup> Там же, с. 47.



И всё-таки С. Д. Нечаева, по нашему мнению, нельзя обвинять в намеренном искажении фактов исторической действительности. Он не имел реальной возможности обладать всем объёмом средневековых письменных источников, содержащих указания на локализацию Куликова поля: в его время почти ни один из них ещё не был опубликован и тем самым введён в научный оборот и поэтому, естественно, не стал объектом пристального научного изучения. Фактически Нечаев ретроспективно переносил современные ему местные (т. е. Епифанского уезда Тульской губернии) представления о Куликовом поле, сложившиеся в конце XVIII–начале XIX вв., на более раннюю историческую эпоху, в которую этот топоним имел принципиально иное содержание. Действительно, в «Атласе Тульского наместничества» (1787) при описании Епифанского уезда говорится: «В здешнем уезде находится и известное по истории Куликово поле между реками Доном и Непрядвою в пятнадцати верстах от города: оно в окружности имеет около пятидесяти вёрст»<sup>9</sup> (т. е. его радиус составляет до 15 км — О. К.). Неудивительно, что высокопоставленный губернский чиновник, которым С. Д. Нечаев являлся в то время, совершенно искренне и без тени сомнения использовал в научно-публицистических трудах официальную точку зрения на локализацию Куликова поля, которая при этом не расходилась с его собственными представлениями по этому вопросу.

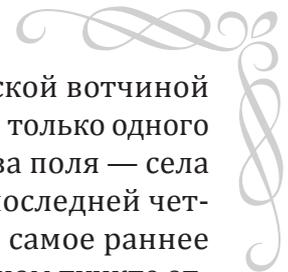
Вновь повышенный интерес к вопросу пространственно-топографической детерминации Куликова поля возник уже в советское время, в преддверии празднования 600-летия Куликовской битвы, которое состоялось в 1980. Хотя к 1970-м годам в распоряжении исследователей находился богатый набор выявленных и опубликованных русских и восточноевропейских письменных и картографических источников XVI—XVIII вв., в своей совокупности подробно раскрывающих пространственное

<sup>9</sup> Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1350 (Межевой департамент), оп. 312, д. 46, л. 49.

содержание топонима «Куликово поле» применительно к эпохе русского Средневековья, все они, к сожалению, оказались до конца не востребованными, а в работах советских историков (В. Н. Ашуркова, С. Р. Долговой, А. К. Зайцева, В. А. Кучкина, К. П. Флоренского и др.) по-прежнему присутствовало стереотипное восприятие Куликова поля, сформулированное ещё С. Д. Нечаевым и опирающееся на локальные, местные представления об этой территории конца XVIII–начала XIX вв.<sup>10</sup> В трудах этих исследователей научная полемика состояла в том, что одни из них определяли местоположение Куликова поля вверх по течению Дона от устья Непрядвы, т. е. на левобережье последней, а другие — вниз по течению Дона, т. е. на её правобережье, при этом все они не учитывали даже печатных материалов А. М. Щекатова и В. Н. Татищева, не говоря уже об архивных материалах.

Не может не вызывать удивления избранная этими авторами методика определения местоположения Куликова поля: в её основу ими был положен факт привлечения С. Д. Нечаевым в 1820-х ряда названий населённых пунктов с корневой основой «кулик», расположенных в бассейне реки Непрядвы,

<sup>10</sup> См. соч. В. Н. Ашуркова: Куликовская битва. 1380–1955.— Тула: Приокск. кн. изд-во, 1955; На поле Куликовом.— 3-е изд.— Тула: Приокск. кн. изд-во, 1976; На поле Куликовом: 600 лет. 1380–1980.— Тула: Приокск. кн. изд-во, 1980. Соч. С. Р. Долговой: История Куликова поля в документах XVI – XVII вв. // Природа. 1984.— № 8; К истории некоторых населённых пунктов на Куликовом поле // Труды Государственного исторического музея.— Вып. 73: «Куликово поле: материалы и исследования» / Отв. ред. А. К. Зайцев.— М.: Изд-во ГИМ, 1990. А. К. Зайцев. Историко-географический аспект изучения Куликова поля // Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и вопросы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». — М., 1987. В. А. Кучкин. О месте Куликовской битвы // Природа.— 1984.— № 8. К. П. Флоренский. Где произошло Мамаево побоище? // Природа.— 1984.— № 8. Показателен факт, что научная полемика о локализации Куликова поля в контексте сражения 1380 года в советское время велась не в академических изданиях, а в научно-популярных журналах, по своему профилю весьма далёких от изучения историко-культурного наследия русского Средневековья.



в качестве одного из основных аргументов локализации места сражения 1380 года, хотя она была скептически оценена в статьях В. А. Кучкина и К. П. Флоренского. При этом А. К. Зайцев совершенно справедливо отмечал, что хотя «...топонимический анализ является обязательным условием надёжной локализации древних географических названий...», однако «...точность его методики находится в прямой зависимости от установления датировки и условий возникновения этих топонимов...»<sup>11</sup> К сожалению, рядом исследователей не было учтено одно обстоятельство: в средневековых письменных источниках топоним *Куликово поле* появился как минимум за столетие до того времени, когда русские люди приступили к повторной военной и хозяйственной колонизации этих земель во второй половине XVI в.

Справедливости ради надо отметить, что Е. Д. Маркина в 1985 предложила (вслед за В. А. Кучкиным) компромиссный подход к локализации этой историко-культурной территории, говоря об «одновременном существовании двух представлений о пределах Куликова поля: «узкого» — в правобережье Непрядвы и Дона, и «широкого», включающего левый берег Непрядвы и правый берег Рыхотки»<sup>12</sup> (Рыхотка — речка на границе Тульской и Липецкой областей, разделяющая соответственно их Куркинский и Данковский районы. — О. К.). Однако с этим мнением также нельзя согласиться по двум причинам: во-первых, так называемое «широкое» понимание принципиально ничем не отличается от «узкого», ибо увеличивает «диаметр» Куликова поля на чуть более десяти километров; во-вторых, основу работы этого автора составляют частные письменные источники (переписка князя А. М. Голицына

с управляющим его епифанской вотчиной А. Шесагутовым), касающиеся только одного населённого пункта Куликова поля — села Куликовки, датирующиеся последней четвертью XVIII столетия (хотя самое раннее упоминание об этом населённом пункте относится к 1628 году), в которых Куликово поле рассматривается как местный частновладельческий микротопоним, являвшийся до 1776 «отхожей пустошью дикого поля» общей площадью несколько более 293 десятин (т.е. около 334 га — О. К.) целины.

Итак, что же в действительности представляло собой Куликово поле в средневековую эпоху, какое пространство оно занимало, чем было ограничено?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо установить время появления этого топонима в русском языке, точнее, определить датировку его наиболее раннего упоминания в официальных письменных источниках, ибо материальная (делопроизводственная) фиксация географического названия при письме является несомненным доказательством его широкого употребления в обыденной жизни. Как показывает анализ летописей, понятия «Куликово поле» и «Куликовская битва» в сознании русских людей в Средние века не всегда тождественно ассоциировались с победой русского оружия над войском темника Мамай, узурпировавшего власть в Золотой Орде, в 1380.

Как известно, в основе всех летописных повествований о Куликовской битве лежат три наиболее ранних рассказа. Самый древний из них сохранился в своде, получившем название «Рогожский летописец», список которого датируется второй четвертью XV века, точнее (согласно текстологическому анализу В. А. Кучкина) — второй половиной 1440-х, а сам текст восходит к летописному памятнику 1409 года, хотя, возможно, и более раннего времени (это повествование было также повторено в Симеоновской летописи). Второй рассказ известен по Новгородской I летописи младшего извода (здесь термин «извод» обозначает вторую редакцию. — О. К.); этот список также датируется второй половиной 1540-х. Третий летописный рассказ о битве

<sup>11</sup> А. К. Зайцев. Историко-географический аспект изучения Куликова поля // Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и вопросы взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». — С. 68.

<sup>12</sup> Е. Д. Маркина. Возникновение села Куликовки // Труды Государственного исторического музея. — Вып. 73: «Куликово поле: материалы и исследования» / Отв. ред. А. К. Зайцев. — М: Изд-во ГИМ, 1990. — С. 151.

1380 года помещён в Софийской I летописи старшего извода (т.е. первой редакции. — О. К.) и Новгородской IV летописи и восходит к своду 1423 года, хотя сам он был записан в 1470-х<sup>13</sup>.

Все они весьма стереотипно описывают место сражения: «*Князь же великий поиде за Дон, и бысть поле чисто и велико зело. И ту сретошася погани Половши, Татарьстии полци* (т.е. полки. — О. К.), *бе бо поле чисто на усть Непрядвы реки*»<sup>14</sup> (Рогожский летописец, Симеоновская летопись); «*...въниде бо в землю их за Дон, и бе ту поле чисто на усть реки Непрядвы...*»<sup>15</sup> (Новгородская I летопись); «*Великий же князь Дмитри Иванович перешед за Дон в поле чисто в Ордынския земля, части на усть Непрядвы реки...*»<sup>16</sup> (Софийская I и Новгородская IV летописи). Весьма показательно, что, с одной стороны, все эти летописные источники или их протографы ни разу не употребляют топоним *Куликово поле*, а с другой стороны, все они относятся к первой половине или середине XV в. Следовательно, с большой степенью уверенности можно утверждать, что как минимум до середины, а может быть, и до последней трети XV века в сознании просвещённой части русского средневекового общества не существовало топонима *Куликово поле*, употреблявшегося для обозначения какой-либо пространственно-топографической общности на правом берегу верхнего течения Дона. Более того, победа московской рати над золотоордынцами на Дону или в степи за этой рекой на протяжении целого столетия после 1380 никак не ассоциировалась с Куликовым полем (иначе

впоследствии великий князь Дмитрий Иванович был бы прозван современниками или более поздними летописцами не «Донским», а «Куликовским»), а сам этот топоним образовался в более позднее время.

В пользу данного тезиса свидетельствует и тот факт, что провинциальные русские летописи — Устюжская и Вологодская, появление которых датируется первой четвертью XVI в., гораздо более детально, красочно и многословно описывавшие в сравнении с более ранними памятниками русского летописания события, предшествовавшие сражению войска великого князя Московского Дмитрия Ивановича и золотоордынских сил темника Мамая, совсем ничего не говорят о месте битвы. В частности, Устюжская летопись (список Л. С. Мациевича), говоря о месте сражения 8 сентября 1380 года, лапидарно сообщает: «*И перешли за Дон сентября в 7 день*», Архангелогородский летописец Устюжской летописи также не содержит точного указания на место сражения: «*...и перевезеся князь великий со всею силою за Дон месяца сентября в 7 день*»<sup>17</sup>. Вологодская летопись, появление которой датируется первой половиной XVI века, описывая сражение между московскими и золотоордынскими войсками, ограничивается одним предложением: «*Бысть бой князю Димитрию Ивановичю на Дону с царем Мамаем Ордынским, и на том побоище поймали попа русского, а у него взяли мех, накладен зелей лютых смертоносных, и послали его в заточение*»<sup>18</sup>. Последняя цитата из Вологодской летописи, автор которой её контекстом описывает все важнейшие события 1380 года, интерпретирует Куликовскую битву не как почти что эпическое сражение, предопределившее на столетия вперёд исторические судьбы русских земель, а как заурядное боестолкновение локального масштаба, главным результатом которого стала нейтрализация попа-отравителя. Безусловно, всё это свидетельствует о субъективных превратностях русского средневеко-

<sup>13</sup> Более подробно см.: Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. А. Кучкина. — СПб: Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1998. — С. 8, 21, 28–29, 63–64.

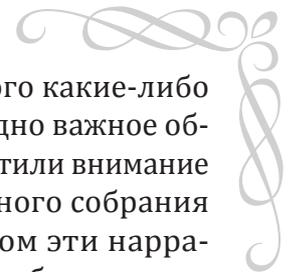
<sup>14</sup> ПСРЛ. — Т. XV. — Вып. 1: Рогожский летописец. — 2-е изд. — Пг., 1922. — Стлб 139. См. также: Памятники Куликовского цикла. — С. 9; ПСРЛ. — Т. XVIII: Симеоновская летопись. — М.: Знак, 2007. — С. 129.

<sup>15</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — С. 376. См. также: Памятники Куликовского цикла. — С. 22.

<sup>16</sup> Цит. по: Памятники Куликовского цикла. — С. 36, 73–74.

<sup>17</sup> ПСРЛ. — Т. XXXVII: Устюжская и Вологодская летописи / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. И. Буганова. — Л.: Наука, 1982. — С. 35, 76.

<sup>18</sup> Там же, с. 167.



вого летописания, свидетельства которого явно не следует воспринимать как истину в последней инстанции.

Как мы видим, Устюжская и Вологодская летописи, говоря о Куликовской битве, вообще не локализируют место этого сражения и говорят только о том, что московский князь Дмитрий Иванович, «перешёл за Дон», явно подразумевая под этим факт того, что он вышел за границы русских земель — «перешёл Рубикон», — и одного этого указания в сознании жителей северо-восточных областей Московской Руси было вполне достаточно для того, чтобы воспринимать его действие как подвиг. Поэтому не стоит удивляться отсутствию в летописях северо-востока Руси более детального указания на место сражения, им могла быть любая точка пространства, именуемого «задонщиной». Данное обстоятельство наглядно и выпукло свидетельствует о том, что до середины XVI века в общероссийском масштабе не существовало восприятия обособленной пространственно-топографической единицы как *Куликово поле*, а если такой топоним и существовал, то имел региональный или даже субрегиональный ареал распространения и использования.

Об этом же не менее наглядно свидетельствуют русскоязычные памятники белорусского и литовского летописания. Никифоровская летопись, время составления которой датируется второй половиной XV в., описывает место сражения московско-владимирских дружин и золотоордынских отрядов так: «Князь же великийи поиде за Дон, и ту сретошася полци за Доном на усть Непрядвы...»<sup>19</sup>. Аналогичное указание места битвы содержит в себе Супрасльская летопись<sup>20</sup>, время появления которой сходно с Никифоровской летописью. Волынская краткая летопись, за весь 1380 год описывает только одно событие — «побоище на Дону князю Дмитрию Ивановичю с Мамаем...»<sup>21</sup> Однако, прежде

чем делать на основании этого какие-либо выводы, надо иметь в виду одно важное обстоятельство, на которое обратили внимание составители 35-го тома Полного собрания русских летописей, в котором эти нарративные памятники были опубликованы: все они «в начальной части представляют собой летописи общерусские и лишь в конце содержат записи по истории Великого княжества Литовского (Литовского, Русского и Жемойтского — как обычно именуется это государство в летописях)»<sup>22</sup>. Описания событий, хронологически близких ко времени Куликовской битвы, равно как и само это сражение, воспринимались их составителями сквозь призму представлений авторов, использовавшихся для этого протографов, а поэтому нет смысла удивляться тому, что памятники белорусско-литовского летописания не содержат в себе ничего принципиально нового по этому вопросу, для них топонима *Куликово поле* так же не существует, как его не существовало и для московско-владимирских летописцев.

Завершая тему упоминания места Куликовской битвы в памятниках провинциального или регионального летописания, отдельно остановимся на нарративных источниках такого рода тверского происхождения — на уже нами упоминавшемся Рогожском летописце и Тверском сборнике, происхождение первого из которых датируется 1440-ми годами, а второго — концом этого столетия (оба нарратива опубликованы в XV томе Полного собрания русских летописей). Как известно, в конце XIV в. Тверь являлась не только ближайшим соседом Москвы, но и её главным геополитическим конкурентом в борьбе за верховенство над всеми остальными русскими княжествами, а поэтому тверская летописная традиция, в отличие от московско-владимирской в вопросах описания и оценки побед великого князя Московского Дмитрия Ивановича, была менее ангажированной и, следовательно, для своего времени более объективной. О значительной степени удалённости или даже

<sup>19</sup> ПСРЛ. — Т. XXXV: Летописи белорусско-литовские. — М.: Наука, 1980. — С. 29.

<sup>20</sup> Там же, с. 50.

<sup>21</sup> Там же, с. 120.

<sup>22</sup> Там же, с. 3.



об отстранённости тверского летописания от московской политической истории свидетельствует хотя бы тот факт, что в Рогожском летописце описание летней кампании князя Дмитрия Ивановича против темника Мамаю озаглавлено как «о войне и побоище иже на Вожже»<sup>23</sup>, т. е. его автор или составитель не делал для себя никакой принципиальной разницы между сражением на реке Воже 1378 года и Куликовской битвой 1380 года, что лучше всего свидетельствует о полном безразличии Тверского княжества и его политических институтов к этим событиям из истории Московской Руси.

Описание места сражения в Рогожском летописце мало чем текстуально отличается от того, которое встречается в уже упоминавшихся выше памятниках белорусско-литовского летописания — в Никифоровской и Супрасльской летописях: «Князь же великыи поиде за Дон и быть поле чисто и велико зело, ... бе бо поле чисто на усть Непрядвы»<sup>24</sup>. Иными словами, тверская летописная традиция в данном вопросе ничем не отличалась от общероссийской. Однако принципиально иное содержание применительно к событию Куликовской битвы имеет Тверской сборник. Составитель этого памятника летописания при описании событий, сопутствовавших данному сражению, использовал текст «Задонщины» или «Писания Софрония рязанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимиру Андреевичу». Однако, переписав одно предложение начисто и зачеркнув второе в рукописи, он оставил это занятие, так и не донеся до потомков ясной картины этой военной кампании. В примечаниях издателя указан вымаранный автором Тверского сборника фрагмент «Задонщины»: «Тем же всем суженое место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на реце на Непрядве; а положили главы свои за землю русскую и за веру христианскую; а мы пойдем в свою отчину,

в землю залесскую, к славному граду Москве, и сядем на своём великом княжении; чести есми себе добыли и славного имени. Конец»<sup>25</sup>. Как мы видим, Тверской сборник конца XV века, вобрав в себя в самом фрагментарном изложении только что появившийся на свет текст «Задонщины», стал первым памятником русского средневекового летописания, который использовал топоним *Куликово поле* для обозначения места сражения московско-владимирских и золотоордынских войск 8 сентября 1380, причём его автор сделал это как очень неуклюжее заимствование фрагмента только что появившегося на свет и ставшего ему известного произведения русской средневековой литературы, которое он начал было копировать, но, разобравшись в жанре источника и осознав свою ошибку, прекратил работу.

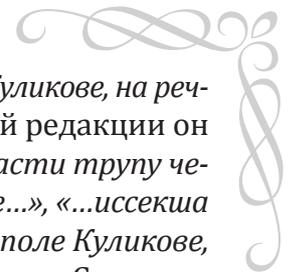
Кстати, Рогожский летописец — далеко не единственный памятник русского средневекового летописания, который ставит знак равенства между Куликовской битвой 1380 года и сражением на реке Воже 1378 года. Ещё одним нарративом, текст которого содержит в себе подобную конвергенцию, является Холмогорская летопись, происхождение которой датируется второй половиной XVII в. Данный летописный источник содержит в себе повествование «О победе великого князя Дмитрея Ивановича над великим князем ордынским Мамаем в лето 6890», т. е. в 1382. В нём прямо говорится: «Великий же князь Дмитрей поиде противу них, и перееха за Оку, и стрете их у Вожжи реки»<sup>26</sup>, т. е. для автора-составителя Холмогорской летописи Куликовской битвы как исторического или военно-политического события не существовало вообще. Данный факт является ещё одним доказательством в пользу нашего утверждения о том, что само событие сражения 8 сентября 1380 было актуально только для тех русских княжеств, отряды которых участвовали в нём, тогда как

<sup>23</sup> ПСРЛ. — Т. XV: Рогожский летописец. Тверской сборник / Под ред. Б. М. Клосса. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 86. — Стлб 139.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же, с. 366. — Стлб 440.

<sup>26</sup> ПСРЛ. — Т. XXXIII: Холмогорская летопись. Двинской летописец / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. И. Буганова. — Л.: Наука, 1977. — С. 88–89.



для других регионов русской ойкумены оно имело второстепенный характер (по крайней мере, летописная традиция этих регионов сообщает о нём с искажениями или вообще не говорит ничего).

Подводя итог сказанному выше, следует сделать первый промежуточный вывод: в XIV столетии топоним *Куликово поле* и сражение 8 сентября 1380 никак не соотносились между собой, в то время такой пространственно-топографической единицы в сознании просвещённой части русского средневекового общества не существовало, возникновение данного понятия относится к последней четверти XV в. и является результатом литературной, а не делопроизводственной традиции Московской Руси. Его заимствование государственной властью и последующее введение в бюрократический оборот относится, скорее всего, к первой четверти XVI в., вследствие того что границы Московии вплотную приблизились к ареалу Куликова поля.

Итак, впервые Куликово поле как место сражения объединённых дружин княжеств Северо-Восточной Руси с золотоордынцами под предводительством темника Мамаю упоминается только в последней четверти XV в. в двух памятниках русской средневековой литературы: «Задонщине», ещё называемой «Писанием Софрония рязанца» и известной нам в двух редакциях — краткой и пространной (её краткая редакция была составлена в 1470–1480-х монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином, а пространная оформилась в конце XV–начале XVI вв.), а также в «Сказании о Мамаевом побоище», дошедшем до нас в 10 редакциях и в более чем 150 списках, самый старый из которых датируется 1520-ми годами<sup>27</sup>. Особо отметим, что эти нарративы в своём происхождении отстоят от событий 1380 года более чем на столетие.

В Краткой редакции «Задонщины» топоним *Куликово поле* поэтически вплетается автором в ткань повествования: «...тогда же

*не тури възрыкають на поле Куликове, на речке Непрядне...»* В Пространной редакции он повторяется постоянно: «...пасти трупу человеческого на поле Куликове...», «...иссекша христиани поганые полки на поле Куликове, на речке Непрядве...»<sup>28</sup> Наконец, «Сказание о Мамаевом побоище» содержит следующее упоминание о нём: «не мощно бе вместитесь на том поле Куликове: бе место то тесно между Доном и Мечею»<sup>29</sup>. Из него топоним *Куликово поле* переключался в «Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью» и в «Синописис» — русский средневековый исторический сборник, поскольку «Сказание...» вошло в их текст составной частью (как представляется, именно это произведение древнерусской литературы стало отправной точкой для С. Д. Нечаева, о чём свидетельствует упоминание им реки Красивой Мечи как естественного рубежа Куликова поля, что не встречается ни в одном другом русском средневековом письменном источнике, а также использование словосочетания «Мамаево побоище» для обозначения Куликовской битвы).

Что касается самого раннего из известных летописного упоминания топонима *Куликово поле*, то оно фиксируется в Лебедевской летописи и Летописце начала царствования царя и великого князя Ивана Васильевича в контексте указанных выше событий 1542 года. В связи с этим следует также привести мнение А. Л. Хорошкевич, которая, ссылаясь на опубликованные в XIX веке документы Посольского приказа, весьма аргументированно утверждала: «Отсутствие наименования Куликова поля в официальных памятниках первой половины XVI века может быть объяснено тем... что наряду с вышеупомянутым наименованием бытовало иное... — *Мамай-луг, или, точнее, как записано в посольских книгах, Момай-луг*»<sup>30</sup>. Добавим,

<sup>28</sup> «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». — М. — Л.: Наука, 1966. — С. 537, 550, 552.

<sup>29</sup> Повести о Куликовской битве: Тексты, переводы, примечания / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 139.

<sup>30</sup> А. Л. Хорошкевич. О месте Куликовской битвы // История СССР. — 1980. — № 4. — С. 101.

<sup>27</sup> См.: Памятники Куликовского цикла. — С. 88, 95–96, 110–111, 124–125, 134–136.

что топонимическое отождествление правобережья Дона с «Мамаевой землёй» в XV в. прослеживается также и в Новгородской IV летописи<sup>31</sup>. Действительно, не только в первой половине, но и в середине XVI в. топоним «Мамай-луг» (в источниках встречаются и другие варианты его написания: «Мамаилуг», «Мамалуг» и др.) имел весьма широкое распространение. Например, Лебедевская летопись однозначно связывает с ним факт Судьбищенской битвы 1555 года, произошедшей, как известно, на территории нынешнего Новосильского района Орловской области: «...а бой был от Тулы полтора ста верст». Летопись также указывает иные ойконимы и гидронимы, имеющие отношение к «Мамаилугу»: города Белёв, Одуев (Одоев. — О. К.) и Мъценеск (Мценск. — О. К.), реки Зуша и Сосна. Ещё раз этот топоним упоминается применительно к событиям 1556 года, когда начальник одного из сторожевых казачьих отрядов в степи дьяк М. И. Ржевский сообщил царю Ивану IV Васильевичу о приготовлении крымских татар к очередному набегу на русские окраины<sup>32</sup>. Таким образом, солидаризируясь с позицией А. Л. Хорошкевич, мы можем вполне определённо говорить, что в середине XVI в. для обозначения Окско-Донского междуречья в официальной русской летописной традиции одновременно существовало два топонима: *Мамай-луг* и *Куликово поле*, причём последний со временем полностью вытеснил из употребления первый.

Параллельное сосуществование двух топонимов для обозначения одного географического объекта с последующей заменой одного другим свидетельствует об изменении отношения просвещённой части русского средневекового общества к этой территории. До середины XVI в. наименование *Мамай-луг* имело скорее легендарный характер, напоминая о событиях 1380 года. Вполне возможно, что таким образом находил в исторической памяти через одно-два или даже несколько поколений факт существования в XIII — XIV вв. в северной

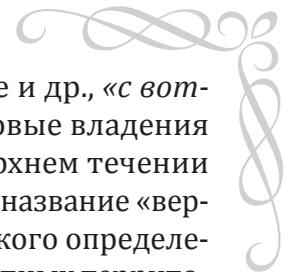
части современного Куликова поля Тульского баскачества Золотой Орды, являвшегося ханским домениальным владением и формально не относившегося к землям ни одного из русских великих или удельных княжеств. Более поздний по своему происхождению топоним *Куликово поле*, как представляется, уже не нес на себе исторической или политической нагрузки и являлся отражением результатов, по нашему мнению, исключительно социально-экономических процессов, происходивших на этой территории, начиная с середины XV в. Да и сама семантика данного топонима, на наш взгляд, может быть достаточно аргументированно объяснена хозяйственной традицией того времени. В связи с этим представляется важным то обстоятельство, что первое письменное упоминание о Куликовом поле встречается в «Задонщине» или «Писании Софрония рязанца», автор которого, судя по его прозвищу, был родом из местностей, географически близких к нему, а поэтому мог быть хорошо осведомлен в местной топонимической специфике, которая до этого была неизвестна авторам-составителям летописей из Москвы и более отдалённых русских местностей.

Судя по археологическим и археографическим данным, появление оседлого славянского (русского) населения на землях бассейна рек верхнего течения Дона оказалось возможным только в последней четверти XII века в результате успешной борьбы молодого Рязанского княжества против половцев<sup>33</sup>. Активное хозяйственное присутствие русского элемента в этих землях продолжалось вплоть до последнего десятилетия XIV столетия, когда местное население ушло оттуда, спасаясь от «Великой замятни» в Золотой Орде 1360-х, или насильно было сведено в Великое княже-

<sup>31</sup> ПСРЛ. — Т. IV. — Ч. 1: Новгородская четвертая летопись. — Вып. 1. — Пг., 1915. — С. 318.

<sup>32</sup> ПСРЛ. — Т. XXIX. — С. 238, 247.

<sup>33</sup> А. К. Зайцев. К исторической географии южного пограничья Рязанского княжества в XII — XIV вв. // Археология Рязанской земли. — Рязань, 1988. — С. 47. М. В. Цыбин. Половцы и Рязанская земля // Археология восточноевропейской лесостепи. — Вып. 13. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. — С. 133–134. Г. А. Шебанин. Историческая география западной части Рязанского княжества XII–начала XVI в. // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические исследования и материалы. — Рязань: Институт археологии РАН, 2005. — С. 462.



ство Литовское в результате литовско-рязанской войны 1395–1396<sup>34</sup>. Как бы то ни было, как свидетельствуют археологические данные, к началу XV в. на землях Окско-Донского междуречья активная экономическая жизнь полностью прекратилась, а на смену оседлому земледелию пришёл промысловый тип ведения хозяйства<sup>35</sup>. По сути, к началу XV века рассматриваемая нами территория превратилась (в лексической традиции того времени) в «кулигу», т.е. в «пашню, заросшую лесом»<sup>36</sup>, место спорадического землепользования. Иными словами, топоним *Куликово поле* напоминал русским людям о том, что когда-то в этой местности жили их предки, которые волей судеб были вынуждены уйти оттуда. Вместе с тем появление данного топонима могло отражать и политические амбиции любой великокняжеской власти (не важно, — московской, рязанской или литовской), поскольку заявляло об их политическом стремлении и даже возможности вернуться на ранее заселённые земли или вновь распространить власть на ранее подконтрольные им территории.

Материальная фиксация топонима *Куликово поле* при письме в русском средневековом литературном наследии (точнее, в московской летописной традиции) не случайно восходит к последней четверти XV в. Именно в это время Московская Русь стала проявлять особый интерес к землям южнее и восточнее верхнего и среднего течения Оки, фактически к междуречью Оки и Дона. Это объясняется тем, что к 1492 под руку «к великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси» (Ивану III. — О. К.) перешли с литовской службы почти все «верховские» князья — Воротынские, Волконские, Одо-

евские, Белёвские, Мезецкие и др., «с вотчинами и с волостми»<sup>37</sup>, родовые владения которых располагались в верхнем течении Оки (отсюда и их обобщённое название «верховские»). Для топографического определения сопредельных с ними степных территорий потребовалось введение в оборот (или заимствование) нового топонима, которым и стало *Куликово поле*. Тогда же с ним начинают ассоциироваться все исторические события, происходившие на этой территории в предшествующее время, в том числе и одно из самых ярких в их ряду — победа в битве 8 сентября 1380. Фактически отождествление понятия «Куликово поле» с местом этого сражения, начавшееся в последней четверти XV в., по сути, явилось ретроспективным переносом представлений более позднего времени на более раннюю хронологическую эпоху в процессе осмысления русским народом своего исторического, политического, военного, культурного наследия в период наиболее активного складывания единого русского государства — Московской Руси.

Думается, что именно в контексте этого процесса нам следует рассматривать разночтения в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» по вопросу локализации Куликовской битвы: междуречье Дона и Непрядвы («Задонщина») или Дона и Красивой Мечи («Сказание...»)? Эти расхождения, как представляется, вполне объяснимы тем, что на рубеже XV—XVI столетий ещё не сформировалось однозначного представления о пространственном содержании топонима *Куликово поле*.

Иначе обстоит дело с понятием «Куликовская битва»: такого словосочетания нет ни в одном русском средневековом письменном источнике. В русской летописной и нарративной традиции сражение 1380 года имело как бы «гидронимическую» окраску и именовалось не иначе как «*Великое по-*

<sup>34</sup> Г. А. Шебанин. Указ. соч. — С. 473.

<sup>35</sup> М. И. Гоняный. Древнерусские археологические памятники конца XII — 3-й четверти XIV вв. района Куликова поля: Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. — М.: Институт археологии РАН, 2003. — С. 11.

<sup>36</sup> Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: В 4-х тт. — СПб, 1847. — Т. I. — С. 234; А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка: В 3-х тт. — СПб, 1910–1914. — Т. I: А–О. — С. 409.

<sup>37</sup> Разрядная книга 1475–1598 гг. / Под ред. В. И. Буганова. — М.: Наука, 1966. — С. 22. Более подробно об этом процессе см.: А. В. Шеков. Верховские княжества: Краткий очерк политической истории: XIII–середина XVI вв. — Тула: Тульская археологическая экспедиция, 1993.

*боище, иже на Дону»*<sup>38</sup> (Симеоновская летопись), «*Донская битва»*<sup>39</sup> (Новгородская IV летопись), «*Донское побоище»*<sup>40</sup> (Рогожский летописец), «*Задонщина Великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Одреевича»*<sup>41</sup> (Кирилло-Белозёрский список «Задонщины»). Из этого можно сделать однозначный вывод, что Куликовская битва — понятие историографическое, возникшее в процессе изучения археографического наследия победы русского оружия в битве 8 сентября 1380. Как представляется, его автором следует считать известного тульского историка, инспектора классов Тульского Александровского кадетского корпуса майора И. Ф. Афремова, опубликовавшего в 1844 в «Тульских губернских ведомостях» статью «Куликовская битва» и сделавшего это словосочетание достоянием российской историографии своей книгой «Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября 1380 года», изданной в 1849<sup>42</sup>. Таким образом, понятие «Куликовская битва» возникает в середине XIX века и является производной формой от топонима «Куликово поле».

Определившись со временем возникновения этого топонима — первая треть XVI столетия, — следует более подробно остановиться на источниковедческой характеристике письменных свидетельств, использованных нами для выяснения размеров и пределов этой пространственно-топографической общности. Нами использовались исключительно документы нормативно-правового характера, отражавшие официально принятую в Московском государстве точку зрения

<sup>38</sup> ПСРЛ. — Т. XVIII: Симеоновская летопись. — СПб, 1913. — С. 130.

<sup>39</sup> Там же, т. IV. — Ч. 1. — Вып. 1. — С. 318.

<sup>40</sup> Там же, т. XV. — Вып. 1. — 2-е изд. — С. 140.

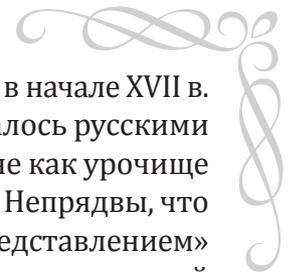
<sup>41</sup> Цит. по: Задонщина: Древнерусская песня-повесть о Куликовской битве / Под ред. А. А. Зимина. — Тула: Приокск. кн. изд-во, 1980. — С. 19.

<sup>42</sup> И. Ф. Афремов. Куликовская битва // Тульские губернские ведомости. — 1844. — № 1–3. Он же: Куликово поле с реставрированным планом Куликовской битвы в 8-й день сентября 1380 года: Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии. — М., 1849.

на наименование и содержание известных в то время географических объектов. К сожалению, в распоряжении историков, изучающих отечественное прошлое эпохи позднего Средневековья, имеется незначительный массив письменных источников, датируемых главным образом второй и последующими четвертями XVII века, что объясняется практически полной гибелью документохранилищ царских приказов в огне так называемого «большого московского пожара» 3 мая 1626. Поэтому при локализации ареала топонима «Куликово поле» нами использовались главным образом официальные документы Московского государства, появившиеся в 1627–1630.

Важнейшим среди них является «Книга Большому Чертежу», составленная в 1627 в Разрядном приказе и дошедшая до нас в 38 списках XVII, XVIII и даже XIX века, археографическому анализу которых посвящена монография К. Н. Сербиной<sup>43</sup>. Этот источник — официальный по своему происхождению археографический памятник, представляющий собой сохранившееся до наших дней текстовое пояснение к первому атласу Московского государства и сопредельных с ним территорий (так называемому «Большому Чертежу»). Если быть более точным, то по времени происхождения все сохранившиеся редакции «Книги Большому Чертежу» восходят к несохранившемуся протографу, датируемому 1580-ми, что позволяет нам данные этого источника переносить и на более раннее время, на последнюю четверть XVI в. Из имеющихся в ряде списков «Книги...» записей об их принадлежности можно установить, что, помимо учреждений, ими владели служилые люди «разных чинов», несущие ту или иную «государеву службу», следовательно, по своему замыслу она должна была служить и действительно служила на протяжении всего XVII в. практическим руководством «для госуда-

<sup>43</sup> Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950. В основе лежат более ранние публикации отдельных списков этого памятника русской географии, например: Книга Большому Чертежу или Древняя карта Российского государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. — 2-е изд. — СПб, 1838.



ревой службы посылок», а поэтому максимально точно отражала существовавшие в то время представления о наименованиях и локализации географических объектов, в том числе и интересующего нас Куликова поля.

Сразу же следует отметить одно чрезвычайно важное для понимания места и роли Куликова поля в истории Московского государства обстоятельство: в «Книге Большому Чертежу» это единственный «пространственный» топоним, обозначающий значительную по площади совокупность земель, — никакого другого «поля», кроме Куликова, позднесредневековая русская география не знала. Одного этого факта уже достаточно для того, чтобы говорить об уникальности наследия этой территории. В этом же контексте нам следует рассматривать мысль Р. Ф. Туровского, который, вычлняя зоны (края и пояса) культурно-ландшафтного районирования России, указывает на Куликово поле как на доминантный признак обособления Тульского пояса Центрального края Русского культурного мира<sup>44</sup>.

«Книга Большому Чертежу» неоднократно упоминает Куликово поле как некоторое пространство, откуда берут начало многие реки средней полосы России: «...а вытекла речка Снежить из Куликова поля, из под Новосильские дороги, что лежит дорога с Ливен и из Новосили на старую Кропивну, от Черни вёрст с двенадцать...»; «... с правые стороны пала речка Иста в Оку, а вытекла из Куликова поля от Пловы...»; «...а река Солова и река Плава вытекли сверху реки Мечи ис Куликова поля от Муравскою шляху»; «а Тула город каменной, стоит на реке на Упе, на левом берегу, а Упа река вытекла от Куликова поля с Муравскою шляху». На последнее указание месторасположения Куликова поля нам следует обратить особое внимание. Дело заключается в том, что в одном из списков «Книги Большому Чертежу» оно изложено в другой редакции: «...а Упа река вытекла из Волово озера от верху от речки Непрядвы, и реки Мечи, и реки Соловы, и Плавы от дороги от Мурав-

скою шляху»<sup>45</sup>. Таким образом, в начале XVII в. Куликово поле локализовывалось русскими служилыми людьми отнюдь не как урочище на правом берегу Дона в устье Непрядвы, что считается «традиционным представлением» о его границах в современной отечественной историографии, наоборот, оно стойко ассоциировалось с верховьями этой реки.

Другим географическим репером, обозначающим в XVII в. ядро Куликова поля, является Волово-озеро, на берегу которого располагается сегодня одноимённый посёлок городского типа Тульской области, являющийся административным центром одноименного района. Именно оно в «Книге Большому Чертежу» определяется как место, близ которого берут начало основные реки региона Куликова поля, относящиеся к бассейну Оки и Дона. По прямой расстояние от Волово-озера до места слияния Дона и Непрядвы составляет около 60 км на восток, до истока Непрядвы — около 15 км. Как мы видим, средневековое Куликово поле, описанное в «Книге Большому Чертежу», никак не совпадает с микроскопическим «традиционным представлением» о нём отечественной исторической науки советского периода.

Ещё одну группу письменных источников, официальных по своему происхождению и содержанию, составляют писцовые книги ряда административно-территориальных единиц Московского государства — уездов, находившихся на юго-западе и юго-востоке современной Тульской области. Все эти источники датируются, как и «Книга Большому Чертежу», концом 1620-х.

Так, писцовая книга Белёвского уезда 1627–1628 при описании его Погорельского стана указывает, что во владении «Пречистые Богородицы Шаровского монастыря, что в Перемышльском уезде» находилось «дикого поля (т. е. целины. — О. К.) в Куликовом поле против деревни Любимовой 25 четвертей в поле»<sup>46</sup>,

<sup>44</sup> Р. Ф. Туровский. Культурные ландшафты России. — М.: Институт наследия, 1998. — С. 167.

<sup>45</sup> Книга Большому Чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. — С. 49, 116–118.

<sup>46</sup> Белёвская вивлиофика, издаваемая Николаем Елагиным: Собрание древних памятников об исто-



причём это самое «дикое поле в Куликовом поле» в тексте писцовой книги упоминается как минимум три раза, что не может быть случайной опиской. Сама же эта деревня, принадлежавшая в то время сыну боярскому Б. Ф. Челюскину, располагалась (как и располагается в наши дни) «под Большим Белёвским лесом» в верховьях реки Исты на расстоянии приблизительно 120–125 км на запад от места впадения Непрядвы в Дон<sup>47</sup>. В настоящее время деревня Любимово является, по сути, ближайшей округой посёлка городского типа Арсеньево, районного центра Тульской области.

На основании этих археографических данных вполне резонно полагать, что естественной западной границей Куликова поля в начале XVII века являлся именно этот лесной массив — Большой Белёвский лес, располагавшийся вдоль верхнего течения Оки на её правобережье широкой полосой, простиравшейся с запада на восток на 20–25 км. С юго-востока, начиная от устья реки Зуши, к нему примыкал так наз. Большой Кулутинский лес, произрастающий по обоим берегам этой реки в её нижнем и среднем течении, вплоть до впадения в нее реки Чёрной<sup>48</sup> (река Чернь. — *О. К.*). На северо-восточной своей оконечности Большой Белёвский лес переходил в густые лесонасаждения Большой Засечной черты (Крапивенская засека), которая до наших дней располагается по правому берегу реки Упы в её нижнем течении. Детальная топографическая привязка к местности восточной границы ареала Большого Белёвского леса на основании археографических исследований и по результатам археологических разведок успешно произведена в 1998 А. В. Шековым<sup>49</sup>.

Восточная граница Куликова поля также может быть установлена с большой степенью вероятности по письменным источникам 1620-х. В писцовой книге Елифанского уезда 1627–

1630 зафиксированы в «*Себинском же стану на Куликовом поле порозжие земли, что бывали в поместьях...*», а далее по тексту следует описание двух владений детей боярских — братьев Ишутиных и Ф. Ф. Дехтерева, включавших в то время в себя «...*Куликово поле на речке на Непрядве и на речке на Буйце...*»<sup>50</sup>, т.е. их поместья располагались на левом берегу нижнего течения Непрядвы и, естественно, на правобережье Дона. Поскольку земли Себинского стана Елифанского уезда располагались как на правом, так и на левом берегу Дона, а Куликово поле упоминается только применительно к его правобережью, то можно предполагать, что эта пространственно-территориальная общность не распространялась на донское левобережье.

Об этом же свидетельствует картографический материал, правда более позднего времени. На рукописной карте Елифанского уезда второй половины XVIII века (!) пространство Куликова поля локализовано с помощью данной в разрядку надписи «Поле Куликова». Надпись начинается у правого берега реки Большая Сукромка (по легенде карты — Сукромна), впадающей в Дон выше устья Непрядвы приблизительно на 17–18 км, и заканчивается за рекой Рыхоткой, покрывая в масштабе расстояние до 40 км<sup>51</sup>, частично перенося ареал Куликова поля на территорию современной Липецкой области и приближая его окраины к городу Данкову. Одновременно этот картографический источник является дополнительным свидетельством ограничения восточных пределов Куликова поля именно правым берегом Дона.

Таким образом, известные автору отечественные письменные источники официального делопроизводственного характера, датирующиеся началом XVII столетия в сочетании с документами более позднего времени и нарративами, позволяют сделать однозначный

рии Белёва и Белёвского уезда: В 2-х т. — М., 1858. — Т. I. — С. 375–376.

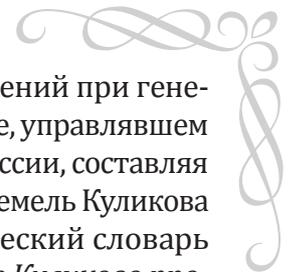
<sup>47</sup> Там же, с. 120–121.

<sup>48</sup> Там же, с. 455, 479.

<sup>49</sup> А. В. Шеков. Верховские княжества (вторая половина XIII–середина XVI вв.): Автореферат дис. ... канд. ист. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — С. 22.

<sup>50</sup> Российский Государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1209 («Поместный приказ»), оп. 1, кн. 140, л. 138, 141–141об.

<sup>51</sup> Е. Д. Маркина. Возникновение села Куликовки // Труды Государственного исторического музея. — Вып. № 73: «Куликово поле: материалы и исследования». — С. 151. Описание карты см.: В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — С. 312, № 213.



вывод о пространстве и границах Куликова поля. На западном направлении (включая северо-запад и юго-запад) его естественными природными пределами были лесные массивы (Большие Кулутинский и Белёвский леса и Крапивенская засека), произраставшие по течению рек Чернь (Чёрная), Зуша, Ока и Упа. На восточном направлении, в том числе на северо-востоке, его границей следует признать правобережье Дона, на южном — реку Красивая Меча. К сожалению, о чёткой демаркации северной границы Куликова поля говорить пока ещё рано, наиболее вероятными естественными рубежами, учитывая содержание письменных источников конца XVII–начала XVIII столетия, должны быть реки Люторичь (приток Дона) и Шиворона (приток Упы).

Подобное представление о территории Куликова поля существовало на всём протяжении XVII столетия. В частности, при нарративном упоминании об основании города Богородицка в 1663 мы встречаем указание, что он возводится не на Куликовом поле как таковом, а на «Куликовых полях» во множественном числе<sup>52</sup>. На наш взгляд, использование формы множественного числа может свидетельствовать о представлении людей того времени о масштабности размеров территории, обозначаемых этим топонимом. По сути, вплоть до административно-территориальной (губернской) реформы Петра I (1716) Куликово поле в сознании русских людей оставалось самостоятельной территориальной единицей государства, имеющей собственные имманентные признаки.

Приблизительно такой же взгляд на определение пространства и границ Куликова поля существовал среди представителей гражданской администрации Российской империи в первой половине XIX века. В частности, М. Н. Макаров, действительный член Общества истории и древностей российских и Общества любителей российской словесности, учреждённых при Московском императорском университете,

и чиновник для особых поручений при генерал-губернаторе А. Д. Балашове, управлявшем шестью губерниями центра России, составляя в 1825 отчёт об инспекции им земель Куликова поля, ссылаясь на географический словарь А. М. Щекатова, писал: «...поле Куликово простирается от вершин рек Упы и Зуши к востоку до самого Дона и вмещает в себя, кроме оных рек, множество других, равно как и вершины и всё течение реки Непрядвы со впадающими в нее речками. На сём пространстве мы видим ныне следующие уезды: Богородицкий и Епифанский и части уездов Ефремовского, Новосильского, Чернского и Крапивенского Тульской губернии; часть Данковского Рязанской и часть Лебедянского Тамбовской губернии»<sup>53</sup>.

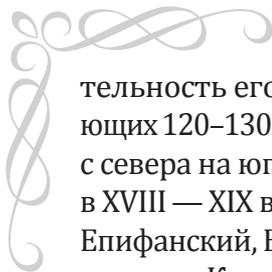
Говоря о месте Куликовской битвы 1380 года на столь масштабном пространстве Куликова поля, особенно если примеряться к месту её «традиционной» локализации, обозначенному всем известным памятником, мы должны сделать вывод о том, что это судьбоносное для истории отечественной государственности сражение можно назвать «Куликовским» с большой натяжкой, поскольку оно, если следовать официальной (если не сказать — официозной) точке зрения, происходило на самой периферии, у самых границ Куликова поля, поэтому для его обозначения, на наш взгляд, будет более приемлемо наиболее раннее его «гидронимическое» наименование: Донское побоище (по аналогии с Ледовым).

Таким образом, под Куликовым полем следует понимать особую, исторически обусловленную пространственно-географическую общность русских земель, располагающихся на юге и юго-востоке Тульской области, на границе лесов и степей. Фактически Куликово поле — это северо-восточная оконечность степей, которая широким языком вклинивается вглубь широколиственных лесов Среднерусской возвышенности по водоразделу верхнего течения Дона и Оки. В противоположность традиционным представлениям отечественной историографии советского периода, следует признать значи-

<sup>52</sup> Н. К. Фомин. Топоним «Куликово поле» по документам XVI – XVII вв. // Куликово поле: исследования историко-культурного и природного наследия. — М. — Тула: Институт наследия, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 1999. — С. 37.

<sup>53</sup> [М. Н. Макаров.] Село Рождество-Монастырщина и поле Куликово: Соч. М. Н. Макарова, учрежд. при Императорском Московском университете. — М.: Типография Императорского университета, 1826. — С. 9–10.





тельность его линейных размеров, достигающих 120–130 км с запада на восток и 80–100 км с севера на юг. На территории Куликова поля в XVIII — XIX вв. существовали Богородицкий, Епифанский, Ефремовский, Чернский, а также частично Крапивенский, Новосильский и Белёвский уезды Тульской губернии и Данковский уезд Рязанской губернии, а сегодня располагаются Арсеньевский, Воловский, Ефремовский, Каменский, Кимовский, Куркинский, Плавский, Тёпло-Огаревский, Чернский и частично Белёвский, Богородицкий, Киреевский, Одоевский, Щёкинский районы Тульской области и Данковский район Липецкой области.

Подобная пространственная локализация Куликова поля, более широкая в сравнении с той, которая принята в современной российской официальной исторической науке, придаёт новое звучание вопросу определения места сражения 8 сентября 1380, которое могло произойти отнюдь не при впадении Непрядвы в Дон, как это принято считать сегодня. Место реального сражения могло отстоять от данной географической точки на десятки километров в сторону, особенно если принимать во внимание материалы русского летописания, которые умышленно не принимаются во внимание по причине их несоответствия официальной концепции Куликовской битвы. В частности, никак не комментируются сообщения Устюжской и Вологодской летописей о том, что переправа войск великого князя московского Дмитрия Ивановича за Дон произошла не накануне битвы, а за сутки до неё. Точка слияния Непрядвы и Дона является не местом сражения, а только местом переправы (*«Князь же великий поиде за Дон и быть поле чисто и велико зело, ... бе бо поле чисто на усть Непрядвы»*, как об этом написано в Никифоровской, Супрасльской летописях и Рогожском летописце), русские и золо-

тоордынские полки маневрировали, перед тем как начать сражение. Все эти обстоятельства в совокупности позволяют предполагать, что у противоборствующих сторон было время и возможность для того, чтобы выбрать максимально удобную позицию для организации атаки или обороны, и поэтому реальное место Куликовской битвы могло находиться достаточно далеко от Куликова поля в его «узком» понимании, официально принятом сегодня.

Взгляд на Куликово поле не как на место сражения 8 сентября 1380, а как на самобытный географический регион (или субрегион) Центральной России, обладающий имманентными чертами, предопределившими в XVI столетии его пространственную локализацию в самостоятельную топографическую и топонимическую единицу, предполагает и формулирует принципиально новые задачи по изучению его исторического наследия. Как значительный по площади ареал расселения людей, в исторической ретроспективе он должен был обладать системой хозяйственных отношений и сопутствующих им торговых путей и центров ремесла и торговли, при этом на протяжении достаточно значительного промежутка времени они должны были быть локализованы и представлять собой географически замкнутый рынок перераспределения товаров и услуг, чтобы в сознании людей XVI века получить собственное топонимическое наименование, выделяющее его среди прочих местностей тульского края или порубежья Московского царства и ещё не обжитых степей на его южных границах. Следовательно, происхождение топонима *Куликово поле* имеет не военно-исторический, как об этом принято говорить сегодня, а исключительно социально-экономический контекст, который в будущем ещё только предстоит изучить тульским историкам или краеведам.

